

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БАЛАНСА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С.С. ОЛЕСЬКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматриваются основные доктринальные подходы к пониманию сущности баланса конституционных ценностей. На основе анализа норм Конституции Республики Беларусь и теоретических положений научных подходов о систематизации конституционных ценностей выводится авторское определение их баланса. Предлагаются основные подходы к пониманию баланса конституционных ценностей: стратегический, функциональный и комбинированный. Определяется явление дисбаланса ценностей. Аргументируется положение о наличии презумпции баланса конституционных ценностей. Выявляются основные признаки такого баланса: относительность баланса, взаимосвязь и взаимовлияние, отсутствие безусловного характера, иерархичность, схематичность и темпоральность ценностей. Обосновывается вывод о том, что правовая природа баланса конституционных ценностей обусловлена конституцией, в которой определены механизм и пределы его обеспечения.

Ключевые слова: баланс конституционных ценностей, конституционные ценности, конституционная аксиология, конституционное правосудие, орган конституционного правосудия.

Введение. В этимологическом смысле слово «баланс» происходит от фран. ‘balance’, в буквальном переводе означающего «весы», и лат. ‘bilanx’, которое переводится почти аналогичным образом – «имеющий две весовые чаши». На протяжении всей истории правосудие считали последней инстанцией, и в настоящее время, цифровую эпоху, когда правосудие, в первую очередь конституционное, становится краеугольным камнем в защите конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, символ правосудия, Фемида, должна быть не с завязанными глазами, а видеть весы, на чашах которых расположены конституционные ценности. Приведенный символический образ и определяет значение настоящего исследования, предметом которого избрано такое правовое явление, как баланс конституционных ценностей.

С эмпирической точки зрения значение изучения баланса конституционных ценностей увязано с последующей разработкой новой методологической базы интерпретации конституционных положений в целях эффективного обнаружения и оптимального сбалансирования конституционных ценностей, их надлежащей охраны и защиты в условиях цифровой эпохи. Изложенное, в свою очередь, определяет диалектическую взаимосвязь конституционной аксиологии с практическим воплощением в жизнь её концепций и подходов, свидетельствует об особом значении ценностной идеи в дальнейшем развитии конституционализма в целом и обеспечении конституционного правопорядка в частности.

Основная часть. По сути, конституционные ценности как социальное и правовое явление одновременно подразумевают некие блага, их оценку и соотношение между собой. Под влиянием динамичного процесса цифровизации значимость ценностей неизбежно меняется, что создаёт затруднения в обеспечении их сбалансированного состояния. Найти «золотую середину» в условиях смещения реальной и виртуальной составляющих жизни личности, общества и государства особенно непросто. Социальные, политические, экономические, культурные, международные и другие отношения неистово развиваются и приобретают определённую специфику, в связи с чем запросы личности, общества и государства соразмерно возрастают, а удовлетворение этих запросов – осложняется. Соответственно в геометрической прогрессии возрастает значение правовой защиты указанных интересов и ценностей, которыми они опосредованы. В этом смысле конституционное правосудие способно сыграть ключевую роль, будучи эффективным балансиром в «правилах игры», связанной со взаимоотношениями между триадой субъектов «личность–общество–государство», в том числе цифровых (виртуальных). Необходимо признать, что баланс конституционных ценностей по праву считается наиважнейшим символом демократичности правления и способом его обеспечения. С демократией тесно переплетено и конституционное правосудие, потому, в случае упадка первой, второго ожидает закономерная участь. Маркером же демократического кризиса неизменно выступает возрастающий дисбаланс конституционных ценностей, коего в «здоровом» обществе быть не должно.

Слово «баланс» подразумевает определённое равновесие, которое, в свою очередь, признаётся главной характеристикой, определяющей содержание баланса [1]. Данный термин синонимично перекликается с иными категориями, такими как «сопоставление», «соотношение», «разность» и др. Однако свойства этих понятий никоим образом не связаны с балансом как юридической категорией. В юридическом дискурсе баланс оценивается как «равновесие взаимосвязанных величин, находящихся в постоянном изменении» [2, с. 35]. Аналогичное понимание изложено и в ряде других источников справочно-энциклопедической литературы [3, с. 98]. С позиции конституционного права баланс рассматривается как гарантированное законом справедливое (с учётом установленных конституцией приоритетов) соотношение между конституционными правами и обязанностями сторон [4, с. 7]. Мы придерживаемся позиции, согласно которой базисом правового регулирования и применения права является идея справедливого баланса конституционных ценностей. Однако приходится констатировать, что в законодательстве Республики Беларусь легальное определение исследуемого понятия и его существенных характеристик не содержится, поэтому первоначально обратимся к истокам становления идеи баланса.

В юридической литературе указывается, что точкой отсчёта в становлении и развитии идеи баланса, рассматриваемой с позиции правосудия, надлежит считать учения движения «американского правового реализма», возникшего в начале XX в., и немецкой школы «юриспруденция интересов» [5, с. 82]. В те времена балансирование расценивалось исключительно как механизм, направленный на разрешение конфронтаций между интересами разных социальных организаций, а также инструмент формулирования права. Так, Дж. Бомхоффе отмечает, что учения, хотя и обиливали разнообразием подходов к исследованию баланса, имели утилитарные цели, обусловленные стремлением обеспечить такое сосуществование интересов, при котором конфликтность групповых социальных организаций максимально минимизировалась [6]. Это признавалось важнейшим фактором демократии. Проверка теории практикой началась в 1950 – 1960-е гг., ознаменованные использованием судами «наработок» учений о балансировании. Однако имелась проблема: такие базовые категории, как «интересы» и «ценности», смешивались воедино. Такой симбиоз был связан с отсутствием единых теоретических и практических подходов к разграничению понятий. В качестве аргумента в литературе приводится пример решения Конституционного Суда ФРГ от 16 декабря 1986 г., из которого следует, что в целях «кызьятия земель недостаточно <...> общественного интереса; такая функция собственности, как защита свободы, требует в противовес особо веские, неотложные публичные интересы; только для их реализации можно ограничить частные права» [7, с. 8]. Из этого следует вывод, что одним из способов обеспечения баланса конституционных ценностей может считаться та или иная *модель взвешивания интересов*, избранная органом конституционного правосудия при рассмотрении конкретного дела.

В едином русле с немецкими подходами балансирования развивались и американские (например, «практический коркорданц» ФРГ и «строгое следование» США). Однако по причине специфичности развития затруднительно констатировать, в каком государстве методология выступает реальным инструментом, а в каком – формальным. Тем не менее, полагаем, что в условиях цифровизации в арсенале методик балансирования центральное место должно быть отведено именно соразмерности. Необходимость в разработке методологии балансирования возникла по объективной причине: в связи с низким качеством решений высших судебных инстанций, в частности недостаточной аргументированностью и структурированностью. Определение чётких границ и правил принятия решения во многом решало эту проблему. В то же время, по справедливому утверждению Р. Херзога, конституционное правосудие не должно оценивать поведение государства, «перетягивая тем самым на себя одеяло»; в связи с чем учёным предложен следующий алгоритм действий: первоначально надлежит обнаружить конституционные интересы и ценности, коллизирующие между собой, а затем оценить угрозу таким ценностям, приняв во внимание конкретные обстоятельства дела [6, с. 88–89]. Реальность и степень угрозы признаются основополагающими факторами для принятия решения об объективности и необходимости введения тех или иных ограничений реализации конституционных ценностей.

Рассматривая подходы к пониманию баланса конституционных ценностей, следует отметить, что в доктрине сложилась неясная и неоднозначная ситуация. Так, В.В. Невинский пишет лишь о том, что во время СССР «баланс конституционных прав и обязанностей личности и <...> государства был сдвинут в сторону интересов государства» [8]. Не вызывает сомнений, что в названный период режим и подходы к реальному обеспечению реализации конституционных ценностей, в первую очередь, прав и свобод личности, не позволяли обеспечить баланс в его нынешнем понимании. Тем не менее, данная позиция не проясняет сути баланса, а лишь указывает на его корректирование под влиянием определённых обстоятельств. Позиция правоведа даёт основания полагать, что баланс конституционных ценностей тесно переплетается с действующим политическим режимом и зависит от него прямо пропорционально. Однако в период авторитарного и тоталитарного государства вести речь о балансе в современном смысле слова, как, впрочем, и о самих ценностях, следует предельно осторожно и избирательно, и вот почему.

Г.А. Василевич убеждает, что в Конституции «отражён оптимальный баланс интересов государства и личности, если они равноправные и равноответственные субъекты. Такая Конституция, отражая общепризнанные принципы международного права, содействует свободе личности, учитывающей свободы других» [9, с. 6]. В.Ю. Мельников полагает, что существование ценностного баланса можно уяснить, рассматривая его сквозь призму конституционно-правовой идеологии, которая характеризуется как устоявшаяся «система конституционных ценностей, основанная на признании личности, ее прав и свобод высшей ценностью и признающая за ней право на идеологическое многообразие, защиту интересов государства» [10, с. 134]. Вместе с тем, согласиться с данной точкой зрения можно лишь отчасти, если рассуждать с позиции идеологической функции Конституции. Безусловно, в конституционной идеологии, как и любой другой, фундаментом являются определённые ценности и их соотношение между собой. По данному поводу А.Н. Пугачёв и В.В. Козловская отмечают, что «отрицание идеологической функции государства неминуемо влечёт ценностную дезорганизацию общества» [11, с. 284]. Поэтому отсутствие эпицентра, координирующего наиважнейшие конституционные ценности и расстановку сил между ними, несомненно привело бы к разобщённости и дифференциации общества с ориентацией новообразованных групп на то, что, с одной стороны, является истинно конституционно ценным, а с другой – признаётся антиценным. На наш взгляд, установление единой идеологии не соответствует принципам демократического правления, в то же время, в любом государстве должна действовать конституционная идеология – система, основанная на конституционных ценностях, прежде всего, признании и уважении прав и свобод человека.

Так или иначе, при использовании идеологического подхода не проясняется сущность баланса конституционных ценностей. Отсутствие единых подходов к пониманию соотношения конституционных ценностей обуславливает необходимость дополнительной углубленной проработки данного вопроса.

Нормативную основу отражения и соотношения конституционных ценностей составляет Конституция (Основной закон). Судья Конституционного Суда Республики Беларусь Воронович Т.В. утверждает, что в «Конституции не установлено конкретных формул баланса конституционных ценностей применительно как ко всем ценностям сразу, так и относительно какой-либо конкретной их комбинации» [12], однако, полагаем, что это не совсем так. В Основном законе Беларуси «законсервировано» фундаментальное положение, согласно которому человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются *высшей ценностью и целью общества и государства* (часть первая статьи второй). Представляется, что приведенная норма содержит формулу ценностного баланса. Вместе с тем В.Д. Зорькин обоснованно полагает, что признание за правами и свободами ценности не отменяет защиту иных ценностей [13, с. 4]. Свобода личности не является абсолютной, и её границы определяются правами и свободами иных лиц, поэтому, в случае объективной необходимости, в целях защиты конституционных ценностей соразмерное ограничение прав и свобод человека допускается на основе баланса ценностей. Из этого следует вывод об отсутствии безусловного характера таких конституционных ценностей, как права и свободы.

Возникает вопрос иерархии конституционных ценностей, находящихся на одном или разных уровнях. Так, председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П.П. Миклашевич отмечает, что иные конституционные ценности (помимо вышеуказанных) вытекают из Конституции, и их иерархия в целом не определена, однако это не умаляет их значимости [14, с. 76]. С таким выводом следует согласиться, поскольку в противном случае это означало бы «отмену» или, иными словами, фиктивность конституционного значения подобных ценностей. Соответственно, права и свободы человека считались бы абсолютными, безусловными и исключительными конституционными ценностями, ввиду чего им всегда отдавалось бы предпочтение, и о ценностном сбалансировании не могло быть и речи. Это привело бы к ситуации, когда публичные интересы, обусловленные необходимостью обеспечения общественного порядка и национальной безопасности, не могли бы защищаться, делая неизбежным приход анархизма. Г. Чулков утверждает, что все анархисты, включая П.Ж. Прудона, П.А. Кропоткина, М. Штирнера, М.А. Бакунина, Л.Н. Толстого и др., всегда рассуждали, имея ввиду лишь один жизненный план – социальный [15, с. 5]. Впрочем, это приводило лишь к одному итогу – террору и бандитизму. Проводя различие между государствами капиталистического и социалистического блоков, В.Е. Чиркин подчёркивал, что в первых последовательность ценностей была следующей: личные, политические и социально-экономические права и свободы. У вторых – обратной [16, с. 73]. Республика Беларусь, как и другие государства, образованные в результате распада СССР, последовала по капиталистическому пути.

Формализованная иерархия конституционных ценностей необходима конституционному правосудию. Ею определяется очерёдность защиты ценностей, что должно носить утилитарный характер. По мнению М.В. Преснякова, специфика ценностей, которая позволяет отличать их от норм, состоит в их иерархичной структуре; в сознании как отдельного человека, так и общественном сознании, ценности выстраиваются по принципу иерархии: одни из них менее значимы, чем другие, поэтому во имя более значимых ценностей ими можно пожертвовать [17, с. 15–16]. В то же время, использование одного только указанного подхода имеет очевидные недостатки и упущения, выражающиеся в признании постоянного доминирования тех конституционных ценностей, которые находятся на «верхушке пирамиды Маслоу». Это приводит к невозможности защиты иных ценностей, более низких по рангу в иерархической системе, их умалению и постепенному отторжению вследствие их номинализации.

Так, изучая основные концепты иерархизации ценностей, А.А. Петров пришёл к по-настоящему прорывному выводу о возможности использования иного, более предпочтительного, подхода, который заключается в *схематизации ценностей* по принципу теории многоуровневых систем, в связи с чем предложил самостоятельные иерархичные уровни [18, с. 156]:

- 1) страт, основанный на взаимовключении ценностей;
- 2) семейств (слоёв), построенный по принципу «от простого к сложному»;
- 3) организационный, включающий ценности, обладающие особым решающим функционалом.

Применительно к Республике Беларусь, к конституционным ценностям уровня страт могут быть отнесены человек, его жизнь и здоровье (часть первая статьи 24 и часть первая статьи 45 Конституции) в связи с тем, что первая предопределяет вторую, а вторая – третью. Примером ценностей уровня семейств (слоёв) могут являться брак, семья, материнство, отцовство и детство (часть первая статьи 32 Конституции) по признаку их однородности. К организационному же уровню, полагаем, надлежит отнести человека, его права и свободы, гарантии их реализации (часть первая статьи второй Конституции), которые провозглашены «высшими ценностями», вследствие чего обладают особым решающим функционалом. При этом, в зависимости от угла обстоятельств, с которого рассматриваются конкретные конституционные ценности, их уровни могут пересекаться, что подтверждает верность применения теории многоуровневых систем. В частности, как указано выше, человек как ценность может одновременно относиться как к уровню слоёв, так и функциональному.

На наш взгляд, ограничиваться пространственными подходами было бы неправильно, поэтому можно выделить третий, *темпоральный подход*, который не менее важен для определения баланса. Данный подход основан на временном принципе. В связи с этим приведём утверждение Т. Гоббса о том, что «[с]пособный предводитель солдат имеет большую цену во время войны или в такое время, когда война считается неизбежной, чем в мирное время. Образованный и честный судья имеет большую ценность в мирное время и меньшую – во время войны» [19]. И это справедливо, поскольку ценности постоянно меняются, как в количественном и качественном, так и приоритетном представлениях.

Предлагаемый подход следует из существа положения статьи 63 Конституции Республики Беларусь о том, что в условиях чрезвычайного и военного положений реализация таких конституционных ценностей, как права и свободы личности, предусмотренных Конституцией, может быть приостановлена. Соответственно, имеется ввиду время, в котором, значимость указанных ценностей по объективным причинам снижается (в том числе, вследствие невозможности обеспечения всего набора прав и свобод) и одновременно повышается значимость иных ценностей (общественный порядок и национальная безопасность). При этом снижение значимости прав и свобод личности носит временный характер, поскольку их осуществление не прекращается, а приостанавливается. Однако и в данном случае есть некоторые оговорки. Дело в том, что приостановление реализации прав и свобод личности осуществляется в пределах, определённых Конституцией и соответствующими законами. Так, если при реализации особых мер в период чрезвычайного положения права, предусмотренные статьёй 24 (право на жизнь), частью третьей статьи 25 (запрет на пытки, жёсткое и бесчеловечное либо унижающее достоинство обращение и наказание, принудительные опыты), статьями 26 (презумпция невиновности) и 31 (право на свободное вероисповедание) Основного закона, ограничиваться не могут, то и в период военного положения таких исключений не имеется.

Некоторая структурированность характерна не только конституционным ценностям, но и их балансу, что обусловлено отсутствием исчерпывающего перечня собственно ценностей. Следовательно, сбалансированность подразумевает оценивание с точки зрения значимости ценностей одновременно в иерархичной, схематичной и темпоральной системах, а также внутреннего убеждения и усмотрения (так называемое «судейское убеждение») того, кто осуществляет данную оценку. В целом баланс конституционных ценностей принято рассматривать с двух позиций: 1) *стратегической*, в соответствии с которой баланс конституционных ценностей является целью государства в общем и конституционного правосудия в частности; 2) *функциональной*, согласно которой баланс выступает *специфической методикой взвешивания* коллизирующих конституционных ценностей.

Стратегический подход восприятия баланса конституционных ценностей обусловлен, прежде всего, предназначением конституционного правосудия. В этом смысле баланс рассматривается с точки зрения одного из элементов правосудия, где поиск баланса считается частью стратегии и цели судебно-конституционной защиты. Ценностный баланс здесь рассматривается предметом деятельности органа конституционного правосудия, а потому – и продуктом его деятельности. Отметим, что расширительное понимание баланса позволяет рассматривать его в ключе деятельности иных государственных органов. Объяснить это можно посредством российской конституционной практики. Так, Конституционный Суд периодически акцентирует внимание на одном важном обстоятельстве: «государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а <...> строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры»¹. И хотя конкретно в этом случае речь шла о парламенте, тем не менее, позиция органа конституционного правосудия наводит на мысль о том, что обеспечение баланса конституционных ценностей не является и не должно являться прерогативой органа конституционного правосудия, а потому может и должно параллельно осуществляться иными органами государственной власти в пределах компетенции, предоставленной им законодательством. В частности, на обеспечение баланса конституционных ценностей обоснованно сориентирован Верховный Суд Российской Федерации.

Приходится констатировать, что в Республике Беларусь такая практика, пока, не прижилась и требует расширения. Поэтому рассмотрим примеры российской практики. Именно по жалобе осужденного определением кассационной инстанции Верховного Суда от 9 декабря 2014 г. установлено, что «принятие президиумом Верховного Суда Республики Башкортостан постановления от 02 июля 2014 года без учета положений <...> о недопустимости повторного участия судей в рассмотрении уголовного дела <...> исказило саму суть правосудия, противоречит принципу законности и разрушает необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей» [20]. При этом отсылка к конституционным ценностям сопровождалась указанием позиции органа конституционного контроля. Нарушение наиважнейшей конституционной ценности (права человека на защиту) вызвало необходимость мотивирования судом принятого решения ссылкой как на конституционные ценности, так и на необходимость обеспечения их сбалансированности. В постановлении Верховного Суда от 15 октября 2014 г. по делу об административном правонарушении в отношении иностранца, который имел семью в Российской Федерации, обосновано несоответствие избранного ему административного взыскания – выдворения [20]. В решении Суд сослался на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в постановлении от 15 июля 1999 г. № 11-П, в соответствии с которой к определению публично-правовой ответственности необходимо подходить индивидуализировано и дифференцировано. В развитие своей позиции в постановлении от 28 мая 2008 г. № 8-П Конституционный Суд отметил, что меры, определяемые уголовным законом, должны быть адекватными порождаемым ими последствиям «с тем, чтобы обеспечивать соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, <...> баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств»². Верховный Суд полагает, что разъяснения органа

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 201 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/334715>.

² По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402.

конституционного правосудия об уголовной ответственности по аналогии применимы в случае с административно-деликтной ответственностью. Отсылка к конституционным ценностям в решениях общих судов позволяет сделать такие решения более структурированными, обоснованными и справедливыми, что благоприятно отражается на обеспечении реального баланса конституционных ценностей.

Аналогичный подход прослеживается и в практике арбитражных судов, в решениях которых часто встречаются указания на баланс конституционных ценностей со ссылками на позиции органа конституционного правосудия³.

Однако само по себе указание на необходимость обеспечения и поддержания такого баланса не означает, что суды «взвешивают» интересы «спорящих» сторон и пытаются уравновесить их, наоборот, они пользуются позициями, выраженными органом конституционного правосудия, и не пересматривают их, поскольку это не те цели, которые перед ними поставлены. В таком смысле позиции органа конституционного правосудия выступают инструментом для судебной деятельности. В то же время ссылки на них нельзя признавать определением баланса конституционных ценностей в силу того, что они применяются судами в целях обогащения и обоснования собственной позиции. Правильнее утверждать, что правовые позиции органа конституционного правосудия являются «шпаргалкой» для суда общей юрисдикции (ординарного). Последний не правомочен самостоятельно определять баланс конституционных ценностей; обратное же свидетельствовало бы о выходе за пределы предоставленных ему полномочий, с одной стороны, и вмешательстве в компетенцию органа конституционного правосудия – с другой. В связи с этим, суды общей юрисдикции должны не более, чем придерживаться стратегии обеспечения баланса конституционных ценностей, учреждённой органом конституционного правосудия в своих решениях.

Функциональный подход к восприятию баланса конституционных ценностей заключается в том, что баланс рассматривается в качестве метода разрешения коллизий, возникших между теми или иными ценностями. Соответственно, применению данного метода осуществляется в следующем *порядке*:

– обнаружение враждующих ценностей, пределов их реализации и защиты, реальности и степени угрозы их надлежащей реализации;

– отыскание такого оптимального (гармоничного) состояния, при котором одновременно обеспечивается наиболее справедливое, благоприятное, безболезненное ценностное сосуществование.

Ряд основных тенденций, связанных с использованием баланса в качестве инструмента, можно вывести из практики отправления конституционного правосудия. Рассмотрим это на примере Российской Федерации. Перед применением подобного инструмента должно быть проведено комплексное изучение конституционных ценностей в следующем порядке:

1) обнаружение центральных конституционных ценностей, вступивших в коллизию;

2) определение места коллизирующих ценностей в их иерархичной, схематичной и темпоральной системах с учётом структуры Конституции и конституционных законов, их юридической силы и их элементов, характера ценностей, а также конкретных обстоятельств дела;

3) выявление точек соприкосновения коллизирующих ценностей;

4) оценка полученных данных на предмет наличия сбалансированности и вывод на её основе: констатация баланса или дисбаланса с выяснением причин последнего (угроза полной реализации ценностей и др.), а также поиск возможных путей устранения и преодоления (полагаем, что в ряде случаев возможно поступать аналогично разрешению и преодолению юридических коллизий; так, юридическая сила ценностей, расположенных в разных разделах конституции, может определяться исходя из того, какой из них имеет более сложный порядок внесения корректив);

5) определение объективной возможности устранения либо преодоления ценностной коллизии посредством уравновешивания и оптимизации;

6) принятие решения (резолюция) (балансирование как решение и принятая мера).

Рассматривая подходы к восприятию баланса конституционных ценностей, предложим свой вариант – **комбинированный** или **стратегически-функциональный**. Так, исходя из смысла института конституционного правосудия, как цель – наличие баланса обязательно, поскольку он априори заложен в деятельности органа конституционного правосудия. В то же время баланс не может существовать как абсолютное явление, не предполагающее возможности дисбаланса. В связи с этим следует вести речь о **презумпции баланса конституционных ценностей**, допускающей возможность ситуации разбалансированности. Обнаружение дисбаланса конституционных ценностей предопределяет использование инструмента их балансирования, то есть одновременно проявляются стратегический и функциональный подходы. Важно понимать, что констатация органом конституционного правосудия дисбаланса, что может произойти, например, в рамках последующего конституционного контроля нормативных правовых актов, а также указание в решении определённого баланса конституционных ценностей не означает разрешение вопроса. Многое зависит от своевременности и полноты последующей реализации позиции органа конституционного правосудия в правотворчестве и правоприменении. В противном случае реальный баланс конституционных ценностей обеспечен не будет, а решение органа конституционного правосудия останется неисполненным.

³ URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/447b06dc-7b7f-4179-95bf-ba3c1c7193ac/A37-1417-2014%2020150213.pdf?isAddStamp=True>;
URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/507fbc85-0c46-4457-aab0-ca8a6e6f8754/2555dbea-cbff-48df-bbb7-5a9760c75b16/A12-36891-2014_20150213_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True;
URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9ce1d7c6-83c9-45ab-a7d0-4275fdaeda3/A33-25361-2014%2020150213.pdf?isAddStamp=True>.

Возвращаясь к вопросу об иерархии ценностей, подчеркнём, что иерархичность конституционных ценностей означает одновременно их субординацию и суперординацию. Формально определённая вертикаль – *нормальный или же обычный режим сосуществования конституционных ценностей*, при котором доминирование высших ценностей (человек, его права и свободы, гарантии их реализации) свидетельствует о наличии оптимального баланса конституционных ценностей в обычных условиях, когда иных «перекосов» быть не должно. Из этого следует, что в условиях обычного правового режима (отсутствие военного или чрезвычайного положения, а также иных, заслуживающих внимания, обстоятельств, то есть названных в ч. 1 ст. 23 Конституции Беларуси) **баланс конституционных ценностей** – это не равенство, а, наоборот, такое состояние неравенства, при котором высшие конституционные ценности (*их перечень исчерпывающий*) перевешивают все остальные. **Дисбалансом конституционных ценностей** в таком случае следует признавать любое другое состояние, объективная необходимость в котором отсутствует. Следовательно, при ограничении реализации высших конституционных ценностей баланс возможен постольку, поскольку данное ограничение было основано на Конституции.

Оптимальность, на которую обращалось внимание выше, означает справедливость баланса. Так, В.К. Бабаева рассматривает справедливость в ракурсе краеугольного камня правового здания по той причине, что данный генеральный принцип находит развитие в иных, общеправовых принципах [21, с. 128–131]. М.И. Марченко пришёл к выводу, что одним из аспектов справедливости является её соразмерность [22, с. 24–25]. При этом уместно привести высказывание И. Канта о том, что юристы всё ищут, но никак не могут найти формулу права. На наш взгляд, то же самое относится и к принципу справедливости. Однако найти такую формулу всё-таки можно, если рассматривать справедливость сквозь призму ценностей. В рассматриваемом контексте В.И. Хайруллин пишет, что «в иерархии ценностей на высшую ступень претендует лишь справедливость. Все остальные ценности соизмеримы с ней в той степени, в которой они справедливы» [23, с. 100].

Проблема, возникающая при изучении справедливости, всегда сводилась к субъективному взгляду на данное понятие. Вместе с тем в юридико-правовом контексте истина должна быть едина. На наш взгляд, в правовом значении *минимальное проявление справедливости* – это следование правилам тем субъектом, который их установил. В связи с этим представляется уместным привести слова Н. Макиавелли: «[не] думаю, чтобы <...> власть могла придумать что-нибудь худшее, чем издать закон и не выполнять его, тем более по вине самого его автора» [24, с. 190]. Таким образом, справедлив тот баланс, который изначально был заложен в Конституции и корректируется по основаниям, ей предусмотренным. И Конституция в этом плане выступает в качестве крепости, оплота ценностей. Однако важно понимать, что конституции тоже бывают разные. Предметом охраны Конституции является не её текст (буква закона), а ценности, прямо или косвенно в ней отражённые (дух закона). Приоритеты охраны конституционных ценностей постоянно меняются, соответственно, корректируется и баланс конституционных ценностей.

Правовая природа баланса конституционных ценностей обусловлена самой Конституцией. Кроме ранее рассмотренных, об этом свидетельствуют и положения Конституции Беларуси, согласно которым ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности и здоровья населения, прав и свобод других лиц. Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону (ст. 23). Приведенные нормы составляют фундамент механизма обеспечения баланса конституционных ценностей. Введение ограничений в отношении высших конституционных ценностей – специальный инструмент механизма поддержания баланса, который не должен обладать обратной силой и затрагивать ядро этих ценностей. Таким образом, ограничение реализации одних ценностей допустимо при условии, что это обусловлено защитой других ценностей⁴. Например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 7-П указано, что государству неправомерно произвольно вмешиваться в отношения собственности, чтобы не нарушать устоявшийся «баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»⁵. Действительно, отсутствие соразмерности влечёт за собой злоупотребления в правотворчестве и правоприменении.

Известное изречение «права одного заканчиваются там, где начинаются права другого» применимо и к конституционным ценностям. Поэтому можно говорить о том, что пределы реализации одних ценностей оканчиваются в том месте, где они пересекаются с реализацией других, если при этом стеснения от налагаемых ограничений невозможно компенсировать за счёт гарантий, льгот и др. В связи с этим возникает не менее важный вопрос о пределах реализации конституционных ценностей. Дискуссии вокруг поднятого вопроса не угасают не только в доктрине, но и на практике.

В качестве аподиктического примера приведём неоднозначное определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 174-О-О по вопросу об осуществлении сторонами уголовного процесса права на ознакомление с особым мнением судьи⁶. К данному определению имелось четыре особых мнения о понимании спорного права. Так, судьей Г.А. Жилиным сделан акцент на соразмерность ограничения права на

⁴ По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011015000&docid=172>.

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114084.

⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126311/6f5388c23284a43e29dde30c48025cccf23c721e.

получение информации, связанное с необходимостью обеспечения тайны совещательной комнаты. С точки зрения судьи Г.А. Гаджиева, «в целях достижения баланса между ценностью изложения судьей особого мнения <...> и обеспечением независимости судей <...> надо ограничить право судей на особое мнение, предъявляя требования к его содержанию, а не ограничивать право сторон на ознакомление с таким мнением»⁷. Предложение Г.А. Гаджиева заключается в необходимости сбалансирования конституционных ценностей: тайны совещательной комнаты (с учётом юридической фикции единства суда при коллегиальном рассмотрении дела) и принципов демократического правового государства. В то же время, Г.А. Жилиным предложен важнейший метод обеспечения баланса конституционных ценностей – определение их соразмерности. Приведенный пример важен, поскольку свидетельствует о возможности расхождения мнений относительно коллизирующих конституционных ценностей ещё на стадии их выявления, до обеспечения баланса.

Для правильного понимания баланса конституционных ценностей необходимо уяснить также его важнейшие признаки. Так, Ю.А. Рудт отмечает *релятивный характер указанного баланса* [20]. С точки зрения данного автора, относительность баланса зависит от способа разрешения коллизии конституционных ценностей, избрание которого связывается с публичным интересом к тем или иным институтам права, а также иными факторами (политическими, экономическими и другими процессами). Это указывает на адаптивный характер права и обусловленную им возможность поправки правовых позиций органа конституционного правосудия в части балансирования с учётом складывающейся обстановки. Однако важно уточнить и позицию самих органов конституционного правосудия по данному вопросу. В постановлении от 14 мая 1999 г. № 8-П Конституционным Судом Российской Федерации указано, что преодоление его правовой позиции недопустимо⁸. В актах Конституционного Суда Республики Беларусь данный вопрос остался неосвещённым. Тем не менее, с нашей точки зрения, речь идёт не о невозможности коррекции позиции как таковой, а её обязательном характере и неправомерности её игнорирования. Неслучайно Л.Г. Белявским отмечено, что в XX в. Верховный Суд США, хотя и избегал прецедентов к Конституции, однако пересмотрел в отношении неё около 150 доктрин [25, с. 77–78]. Выше подчёркивалось, что конституционные ценности – это изменчивое явление, поэтому невозможность корректирования их баланса противоречила бы самой сущности ценностей и приводила бы к ценностному застою, а также не соответствовала бы сути баланса как постоянно «плавающего» состояния.

В качестве варианта решения проблемы, связанной с изменением состояния сбалансированности, А.А. Югов предлагает при толковании Конституции исходить, в первую очередь, из здравого смысла и «значения категорий и понятий, которое принято в современной языковой среде» [26, с. 20]. В противном случае можно так и не прийти к единому знаменателю относительно спорных конституционных ценностей. Так или иначе, конституция не должна быть оторвана от современных реалий, а ценности, охраняемые ею, – в одно и то же время трактоваться по-разному. Впрочем, «релятивность баланса» не равно «релятивность субъектов конституционной интерпретации», поэтому она должна быть связана с теми или иными объективными обстоятельствами общественно-государственной жизни. Изменчивый характер баланса подтверждают Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров, определяя его как «соотношение взаимосвязанных показателей какой-либо деятельности, процесса» [27, с. 49]. При этом авторы обращают внимание на ещё один важный признак баланса – связь показателей, которые соотносятся друг с другом. Таким образом, баланс показывает взаимосвязь и взаимовлияние конституционных ценностей, которые хотя и не являются равными, однако стремятся к этому посредством сбалансирования.

Заключение. Подводя настоящее исследование к своему логическому завершению, необходимо отметить, что для юридических науки и практики категория баланса конституционных ценностей не является новой, но на данный момент она малоизучена. На это указывает отсутствие единого понимания указанного феномена. Несмотря на это, Конституционный Суд Республики Беларусь активно ссылается на необходимость обеспечения баланса конституционных ценностей и интересов, на них основанных. Практика Российской Федерации в этом аспекте развита в большей мере, в связи с чем целесообразно учитывать её применительно к отечественной правовой системе.

Баланс конституционных ценностей – такое оптимальное состояние уравновешенности конституционных ценностей, при котором в условиях обычного правового режима доминируют высшие конституционные ценности по отношению к остальным. При этом в условиях специального правового режима (чрезвычайное и военное положения, а также в иных случаях, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь) оптимальный баланс ценностей достигается путём смещения обычного приоритета. Под **дисбалансом конституционных ценностей** следует понимать любое иное состояние, объективная (т.е. конституционная) необходимость в котором отсутствует. Тем самым определяются пределы изменения баланса конституционных ценностей.

Существуют следующие подходы к уяснению сущности баланса конституционных ценностей: 1) *стратегический*, в соответствии с которым баланс выступает целью конституционного правосудия; 2) *функциональный*, согласно которому баланс используется как метод разрешения коллизии конституционных ценностей; 3) *комбинированный*, объединяющий оба предыдущих подхода как взаимодополняющие. В связи с этим выделяется **презумпция баланса конституционных ценностей**, под которой следует понимать предположение о нахождении конституционных ценностей в сбалансированном состоянии, если иное не установлено.

⁷ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126311/6f5388c23284a43e29dde30c48025ccef23c721e.

⁸ URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=107&issid=1071999008000&docid=2885>.

К основным **признакам баланса конституционных ценностей** можно отнести: релятивность баланса, взаимосвязь и взаимовлияние ценностей, отсутствие безусловного характера тех или иных ценностей, иерархичность, схематичность и темпоральность ценностей. Кроме того, специфичность баланса конституционных ценностей состоит в том, что его определение относится к исключительной компетенции органа конституционного правосудия.

Правовая природа баланса конституционных ценностей обусловлена Конституцией, положениями которой определены механизм и пределы его обеспечения. Речь идет о части первой статьи 2, статьях 23 и 63 Основного закона Беларуси. Обеспечение баланса конституционных ценностей не является прерогативой органа конституционного правосудия, в то же время, именно этот орган определяет такой баланс. В обеспечении ценностного баланса могут быть задействованы и иные органы государственной власти, которые при этом должны руководствоваться правовыми позициями органа конституционного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудашкин В.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». – М.: Междунар. отношения, 2002. – 656 с.
2. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжн. мир, 2000. – 792 с.
3. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. – 640 с.
4. Мальцев В.А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституц. и муницип. право. – 2007. – № 18. – С. 6–9.
5. Anichkin E.S., Rydt Y.A. Constitutional Balancing in Russia: Practice and Perspectives // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2019. – № 5. – Р. 80–100.
6. Bomhoff J. Balancing Constitutional Rights: The Origins and Meanings of Postwar Legal Discourse // Cambridge University Press, 2013. – Р. 72–137.
7. Шмакова Е.Б. Общественный интерес как условие изъятия собственности в конституциях зарубежных стран // Конституц. и муницип. право. – 2011. – № 6. – С. 7–10.
8. Невинский В.В. Трансформация баланса конституционных прав и обязанностей человека и гражданина в современном государстве: сущность, основные направления, результаты // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы науч.-практ. конф.: в 4 ч. – Ч. 1; под ред. В.Н. Синюкова. – М., 2017. – С. 216–222.
9. Василевич Г.А. Обеспечение конституционной законности в государстве: теория и практика. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. – 88 с.
10. Мельников В.Ю. Формирование правовой идеологии государства // Инновац. наука. – 2016. – № 1. – С. 133–135.
11. Пугачёв А.Н., Козловская В.В. Принципы, функции и юридические свойства конституции / под ред. В.В. Козловской. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. – 375 с.
12. Воронович Т.В. Взаимосвязь и взаимовлияние конституционных ценностей в нормотворчестве // Ценностная парадигма Основного Закона Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Г.А. Василевич (гл. ред.). – Минск: Издат. Центр БГУ, 2013. – С. 42–44.
13. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журн. рос. права. – 2008. – № 12. – С. 3–14.
14. Миклашевич П.П. Конституционные ценности и современные тенденции развития конституционализма // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2012. – № 3. – С. 74–81.
15. Чулков Г. О мистическом анархизме. – Репринт изд. 1906 г. – England: The Scholar Press Limited, 1971. – 58 с.
16. Чиркин В.Е. Конституционная терминология / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Норма : Инфра-М, 2013. – 272 с.
17. Пресняков М. В. Критерии справедливого баланса конституционных ценностей в деятельности Конституционного Суда РФ // Журн. конституц. правосудия. – 2009. – № 4. – С. 15–17.
18. Петров А.А. Конституция России: взгляд с позиции теории иерархических многоуровневых систем // LEXRUSSICA. – 2014. – № 2. – С. 153–159.
19. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
21. Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алтайск. гос. ун-т. – Омск, 2019. – 33 с.
26. Бабаев В.К. Общая теория права. Курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н-Новгород, 1993. – 544 с.
27. Общая теория государства и права: акад. курс в 2 т. / В.В. Борисов и др.; под ред. М.Н. Марченко // Теория права / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Т. 2. – М.: Зерцало, 1998. – 639 с.
28. Хайруллин В.И. Справедливость как комплексная ценность // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 100–103.
29. Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. М. Юсима. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
34. Берлявский Л.Г. Теории конституционной интерпретации в США // Конституц. и муницип. право. – 2011. – № 10. – С. 77–78.
35. Югов А.А. Правовая импровизация как искусство юридического толкования : осмысление опыта Конституционного Суда РФ // Рос. юрид. журн. – 2003. – № 4. – С. 19–26.
36. Тихомирова Л. В. Краткий юридический словарь / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2012. – 828 с.

Поступила 12.03.2024

CONCEPT, SIGNS AND LEGAL NATURE BALANCE OF CONSTITUTIONAL VALUES**S. ALESKA****(Belarusian State University, Minsk)**

The theoretical and practical significance of the study of the balance of constitutional values is noted. The main schools and teachings about balancing are considered. Doctrinal approaches to understanding the phenomenon under study are studied. It is concluded that there are no unified and unambiguous interpretations of the balance of constitutional values. Based on the provisions of the Basic Law of the Republic of Belarus and scientific approaches to the systematization of constitutional values, the author's definition of their balance is derived. The main approaches to understanding the balance of constitutional values are proposed: strategic, functional and combined. The phenomenon of imbalance of values is determined. A proposal is put forward on the existence of a presumption of balance of constitutional values. The main signs of such a balance are revealed: the relativity of the balance, the relationship and mutual influence, the absence of an unconditional character, the hierarchy, schematicity and temporality of values. It is noted that the legal nature of the balance of constitutional values is determined by the constitution, the provisions of which define the mechanism and limits of its provision.

Keywords: *balanced-constitutional speeches, constitutional values, constitutional axiology, constitutional justice, organ-constitutional movement.*